

С высоты 80 лет

↑ Детство и юность

Несмотря на многочисленные переезды и скитания военной поры, мама сумела-таки сохранить «Выпись о рождении» – пожелтевший листок простенькой бумаги, протёршийся по обеим линиям сгиба, выданный в Белорусской ССР ЗАГСом г. Могилёва. Из этого документа видно, что Жорес Трофимов родился 15 августа 1924 года и является первым ребёнком 24-летнего Александра Васильевича и 19-летней Марии Марковны Трофимовых. В графе «Постоянное местожительство» – архикраткий адрес: «37-я стрелковая дивизия». В то время мой отец, коммунист с 1918 года, был военным культпросветработником. Вместе с моей матерью он участвовал в похоронах В.И. Ленина. Горячей приверженностью моих родителей коммунистическим идеалам объясняется и моё имя, данное в честь пламенного борца за мир, знаменитого французского социалиста Жана Жореса, 10-летие со дня убийства которого отмечалось в августе 1924 года.

Себя я помню с Новороссийска, где отец в 1928-1929 годах был ответственным горисполкома. В памяти остались несколько разрозненных эпизодов. Невдалеке от дома, где мы жили, находился высокий бугор. Я, пятилетний мальчуган, несмотря на строгий запрет родителей, при удобном случае вместе с приятелями шёл туда, чтобы палкой или железкой покопаться в его основании и добыть пулю, гильзу, монету, а то и заржавевшее оружие времён сражения между красными и белыми.

Здоровьем я похвастаться не мог. Часто болел ангиной, дважды корью, дифтерией, скарлатиной, воспалением лёгких, ветряной оспой. В Туапсе как-то попытался поиграть с собакой, жившей в нашем дворе, но та была занята своими играми в стае и со злостью набросилась на мешающего мальчика. В пасть собаки попала нижняя часть моего подбородка и правая щека. Соседка, услышав вопль, спасла меня, но шрамы на лице остались навсегда.

Осенью 1932 года отца направили в Москву, на курсы при Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. Туго в это время было с продуктами. Чтобы свести концы с концами, мать устроилась на работу в библиотеку. Для меня наступило настоящее раздолье. Мы читали с мамой все популярные книжки. Она, как мне это теперь понятно, тосковала, поэтому ее нетрудно было уговорить сходить в кино (я уже наловчился с помощью

ножа извлекать из копилки металлические рубли и полтинники 1923-1924 годов). Кино было немым. Сидевший невдалеке от экрана тапер смотрел на экран и импровизировал на стареньком пианино. Больше всего мне нравились комедии с участием знаменитых комиков Пата и Паташона.

По окончании курсов отцу предложили новую должность – районного уполномоченного Комитета заготовок СССР в Яны-Кургане Южно-Казахстанской области. В конце мая 1933 года мы ранним утром прибыли на станцию Яны-Курган. На перроне, освещаемом керосиновым фонарем, стоял только один человек – дежурный по станции. Гостиницы в райцентре не было, но, к нашей радости, выяснилось, что в здании вокзала живет бывший красный партизан Иван Ворган, которому отец должен был передать приветы от товарищей по курсам, и мы временно остановились у него.

Новая двухкомнатная квартира (конечно, без коммунальных удобств – таковых в Яны-Кургане не имелось) оказалась на территории хлопкозаготовительного пункта. Несмотря на трудные природные условия (чуть ли не полгода стояла изнуряющая жара без единого дождичка), здесь жили десятки русских семей железнодорожников, которые привыкли к этому краю и обустроивались навсегда.

Не раз мы были свидетелями нашествия саранчи. Иногда насекомые представляли собой такие тучи, что на какое-то время загораживали собой солнечный свет, затрудняли движение железнодорожных составов. Тогда все население поселка выходило из домов и стучало колотушками в пустые тазы и ведра, чтобы шумом отпугнуть саранчу.

Шли годы. Я довольно сносно говорил и читал по-казахски, потому что не только ходил с местными детьми в школу, но вместе с ними купался, рыбачил, играл в асычки (бараньи косточки) и топтояк («травяной хоккей»).

В мае 1935 года наша семья пополнилась вторым ребёнком – Львом, а через полгода отца перевели на такую же должность в Пришимский район Северо-Казахстанской области, который и по климату, и по хозяйственному укладу оказался аналогом Западной Сибири. Очень скоро выяснится, что этот переезд изменит коренным образом всю жизнь нашей семьи.

В предгрозовые годы

В Боголюбове отец получил служебную двухкомнатную квартиру в

деревянном доме. Село было населено в основном бывшим казачеством. Дома выглядели добротными, сады и огороды ухоженными. В пятом классе школы-десятилетки я освоился быстро. В феврале 1937 года, когда вся страна отмечала столетие со дня гибели А.С. Пушкина, я набрался смелости и со сцены школьного зала, а затем и районного Дома культуры декламировал отрывок из «Песни о вещем Олеге». Здесь я впервые узнал, что такое сибирская зима с сорокаградусными морозами, снежными метелями, катанием на санках, лыжах или на санях в бараньем тулупе, толпой печей и заготовкой впрок щей и пельменей.

Казалось, мы начали приживаться на Ишиме, но весной у отца возникли неприятности по работе. Ответственному работнику из НКВД он не дал для поездки закрепленный за собой «газик», и тот, в отместку, обвинил отца в неправильном толковании какого-то политического документа. Время было тревожное, в газетах и по радио появлялось немало разоблачительных материалов о врагах народа. Отец отправился в отпуск в родной Алексин, а оттуда вызвал нас к себе. Мне не было еще и 13 лет, но осталась в памяти та взволнованность, с которой он рассказывал, что, опасаясь репрессий в Боголюбове, сообщил туда о своем отказе вернуться на работу, пока его делом не займется независимая комиссия. Пришимский райком ВКП(б) расценил поступок отца как дезертирство и исключил его из партии.

Исключение из партии отец переживал очень тяжело. Алексинский НКВД, знавший об обстоятельствах отца, не тревожил его, но остаться в родном городе, где было много знакомых, отец не захотел и отправился в Калужскую область, где устроился на Полотняный завод, а мама, я и двухлетний братишка Лева остались в доме бабушки, невдалеке от великолепного соснового бора у Оки, на противоположном берегу которой виднелся дом с мезонином, известный по одноименному рассказу А.П. Чехова.

В Калужской области отцу не удалось устроиться так, чтобы забрать семью, и мы отправились в знакомый нам южный Казахстан, в село Ванновку. Отец устроился бухгалтером фруктово-овощной базы, но фактически исполнял и обязанности культорганизатора. Лично мне Ванновка, населенная в основном украинцами, нравилась: дома-мазанки с побеленными стенами и соломенными крышами, обилие яблоневых и вишневых садов, улицы, обсаженные алычковыми и тутовыми деревьями, приветливые лица

сельчан. Летние каникулы я проработал в плотничном цехе фруктовой базы, сколачивая из клепки за день около 20 ящиков под яблоки, за что мне начисляли 10 рублей.

Одним из приятелей отца в Ванновке был райуполкомзаг, но в конце лета он застрелился у себя дома из именного нагана. Вскоре после этого трагического события мы пересели в город Мирзачуль Ташкентской области, расположенный по обеим сторонам железнодорожной станции с тоскливым названием Голодная Степь.

В октябре 1940 года у меня появился еще один брат – Владимир. Отец работал бухгалтером на хлопкоочистительном заводе. Внешне казалось, что он как будто свыкся со своим новым положением в обществе и не роптал на судьбу, но мама и я понимали, что он в душе глубоко переживает отчуждение от партийной организации и по убеждениям продолжает оставаться коммунистом. Не помню ни одного случая, чтобы отец критиковал Сталина или других руководителей СССР, но и восторженных отзывов о них я не слышал. А вот фашистская агрессия горячо обсуждалась в семье.

В 8 классе в Мирзачуле учился я ровно и успешно по всем предметам, хотя до этого пришлось сменить пять школ, и каждый раз при переездах пропускать немало занятий. Никакого национального вопроса для нас не существовало: русские ребята учились и играли вместе с казахами, узбеками, а также с корейцами, переселенными с Дальнего Востока, и немцами. В часы досуга мы играли в городки и лапту. Увлекался я плаванием, волейболом, рыбалкой, коньками, но больше всего – шахматами. Этой древней игре я

научился еще лет двенадцати, а в 1940 году уже имел второй разряд. Иногда с приятелем мы умудрялись сыграть за день около 30 партий.

В старших классах меня захватило чтение. Моя начитанность и сочинения по литературе, за содержание обычно оценивавшиеся «пятеркой», были замечены, и в 1940 году мне поручили редактирование школьной стенгазеты «Гимнастика ума».

Осенью, будучи девятиклассником, я был принят в комсомол. Тогда же комитет рекомендовал военруку школы назначить меня руководителем кружка по изучению и сдаче норм на значок ПВХО (готов к противовоздушной и противохимической обороне). В течение трех месяцев после уроков я, руководствуясь программой Осоавиахима, рассказывал о тактико-технических данных военной авиации фашистской Германии. В том же году я сам сдавал нормы на другие значки Осоавиахима: «Ворошиловский стрелок», БГТО, ГСО. Заработать все четыре значка было непросто, и такой комплект был особой гордостью среди молодежи. К занятиям мы относились очень серьезно, понимая, что рано или поздно начавшаяся Вторая мировая война коснется и Советского Союза.

Великая Отечественная

Весной 1941 года приступы тропической малярии настолько ослабили меня, что родители решились на предложенную врачами перемену климата. Так мы оказались на Украине, на станции Лихачево Алексеевского района Харьковской области.

Воскресенье 22 июня 1941 года выдалось солнечным и теплым, но после очередного приступа тропической малярии я воздержался от купания и с

Ж. Трофимов со своими помощниками на аэродроме в Ереване. 1945 год

утра обосновался в красном уголке, чтобы поиграть на бильярде и послушать радио. Здесь-то в полдень и услышал из репродуктора ошеломляющее заявление Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

3 июля мы наконец-то услышали выступление по радио Сталина. Оказалось, что гитлеровским войскам удалось захватить Литву, часть Латвии, западные области Белоруссии и Украины. Узнав, что речь идет о жизни и смерти нашего государства, я отправился пешком в райцентр – в военкомат, где заявил о своей готовности выполнить любое задание. У дежурного и без меня было немало хлопот, но когда он уяснил, что я живу на территории такого важного объекта, как хлебный элеватор, назначил меня начальником штаба обороны элеватора. Так я начал учить рабочих и служащих стрельбе из винтовки, метанию гранат, пользованию противогазом, оказанию первой помощи при поражении боевыми отравляющими веществами.

В начале сентября мой отец решил, что негоже ему, 41-летнему мужчине, хотя и со слабым зрением, оставаться дома, и добился призыва на действительную службу. Перед расставанием он взял с меня слово, что в самое ближайшее время я отвезу маму с младшими братишками в Ташкент.

Военкомат меня не задерживал, и 17 сентября (харьковщина считалась уже прифронтовой областью) мы с мамой упаковали два чемодана и двинулись на железнодорожную станцию Лихачево. С трудом удалось втиснуться в тамбур набитого беженцами поезда. В памяти остались станции, где эшелон попадал под бомбежки. Иногда, в связи с разрушениями железнодорожных путей, наш поезд отправляли то на север, то на юг, а потом мы снова оказывались в знакомом месте. На всех крупных станциях мы, подростки, бежали в эвакупункт или к военному коменданту, где получали талоны на горячий обед или сухой паек. Так как поезда следовали без расписания, я два раза отставал от своего эшелона и догонял его на следующей большой станции другим эшелонном. Однажды отстала от эшелона мама, и я двое суток нянчил с помощью соседок по теплушке грудного брата Вову.

Примерно на 35-й день после отъезда из Лихачева паровоз доставил нас в Ташкент, откуда мы отправились в Мирзачуль. Со времени переезда на Украину прошло лишь полгода, а как резко все изменилось. С нами теперь не было отца, мы лишились всего имущества и жилья. Старые знакомые уступили нам нежилую комнату с земляным полом.

В апреле 1942-го пришло письмо отца, где он сообщал, что едет на фронт, на смоленское направление. А в начале июня райвоенкомат удовлетворил мою просьбу и направил на учёбу в авиаучилище в Коканд. По прибытии в этот древний узбекский город стало известно, что Харьковское военное авиационное училище связи (ХВАУС) готовит не лётчиков, а начальников связи авиаэскадрилий, командиров радио и проводных средств связи.

После собеседования приемная комиссия определила меня в радиобатальон. Все учебные дни были весьма напряженными. Подъем в 6 утра, затем 30-минутная физзарядка. После заправки постелей, бритья, умывания следовала 20-минутная тренировка по приему на слух «морзянки» – цифровых текстов, передаваемых по репродуктору. Учебная нагрузка была максимальной: по 12 часов обязательных занятий.

Самым близким моим товарищем по учебному отделению стал москвич Сергей Цюрупа (племянник известного наркома продовольствия) – скромный, очень начитанный юноша, но, как и я, небогатый здоровьем. С физподготовкой у меня и Цюрупы были немалые трудности. Бегал я лучше многих других. Сносно перепрыгивал через «коней», но на турнике и брусьях работал неважно. Время от времени нам приходилось под руководством лейтенанта А.Н. Якубенко тренироваться поздним вечером, когда от усталости и так подкашивались ноги.

По другим предметам мы с Цюрупой успевали на «хорошо» и «отлично». Я неплохо стал разбираться в электро- и радиотехнике, лучше многих других передавал на ключе «морзянкой» и принимал на слух, на зубок знал код и все изучаемые радиостанции, разбирался в телефонно-телеграфной аппаратуре и прокладке полевых линий.

Программа обучения была рассчитана на 10 месяцев, но приказом главкома ВВС нас отправили еще на 10 месяцев – для овладения новой радиотехникой. Все мы внимательно следили за событиями на фронтах, радовались, что после разгрома немцев под Сталинградом и победоносной битвы под Курском летом 1943 года Красная Армия уже не уступает своей инициативы.

Весной 1944 года наше командование произвело реформирование учебных подразделений: я и добрая половина моих сослуживцев были допущены к экзаменам, а остальные оставались еще на год обучения в Харькове.

Назначение я получил на Закавказский фронт. По дороге в Ташкент я сделал остановку в Мирзачуле, чтобы повидаться с мамой и братишками.

Дальнейший мой путь лежал через Ашхабад в Красноводск. Здесь мы с товарищами пересели на пароход и доплыли до Баку, а затем поездом добрались до Тбилиси, где располагался штаб фронта. У меня была возможность остаться командиром учебного взвода, но я напросился в боевую часть, а таковым тогда был 25-й Краснознаменный истребительный авиаполк, базировавшийся на аэродромах Еревана и Ленинакана.

Выполняя указания командира роты, я принял личный состав, в том числе четырех девушек-радисток, мощную радиостанцию П-АК, установленную на автомашине «ЗИС», и две переносных, включая американскую В-100, учебный класс, оружие и боеприпасы, а также вещевое имущество личного состава.

С помощью радиостанции П-АК поддерживалась круглосуточная связь со штабом Воздушной армии в Тбилиси и другими соединениями. На этой станции дежурили главным образом девушки. Я регулярно проверял работу этого экипажа как днем, так и ночью. Повседневного внимания требовала работа экипажа радиостанции, обеспечивающей на летном поле связь командиру авиаполка или руководителю полетов с истребителями «Аэрокобра», выполнявшими боевые задания в воздухе.

В начале весны 1945 года наш гарнизон многократно увеличился за счет гвардейской штурмовой авиадивизии. Среди ее офицеров-связистов нашлись выпускники ХВАУСа, которые в доверительной беседе сказали мне, что их прислали в Ленинакан для участия в боевых действиях против Турции, так долго дружившей с гитлеровцами. К счастью, через неделю после взятия нашими войсками Берлина фашистская Германия капитулировала. О Великой Победе мы узнали часа в два ночи, проснувшись от пулеметных очередей. После большого переполоха, когда выяснилась истинная причина палбы, мы поехали на подвернувшейся полуторке в центр Ленинакана. Народ здесь ликовал вовсю, и нас как военных на радостях угощали домашним вином.

Вечером 9 мая в центре Казачьего городка была сооружена сцена, на которой выступали оркестры, танцоры и певцы. Даже я отважился с девушкой-радиосткой выйти на сцену и исполнить дуэтом знаменитую «Землянку».

Многие, в том числе и я, радовались Победе со слезами на глазах. Мой отец, Александр Васильевич Трофимов, погиб весной 1942 года на полях Смоленщины. И я до сих пор не смог установить, где же именно поконит его прах.